

ЕВГЕНИЙ
КИСИН:

— Евгений Игоревич, несмотря на ваш довольно молодой возраст, о вас уже ходят легенды, и одна из них гласит, что вы — человек не от мира сего, ничем, кроме своего рояля, не интересуетесь. А вы, когда прилетели в Нью-Йорк, чуть ли не с самолета — на избирательный участок, голосовать...

— А что тут объяснять? Я просто считаю, что возможность голосовать, то есть хоть как-то влиять на то, что происходит в твоей стране, — это прекрасная вещь, и надо ею пользоваться. Я, когда у меня была такая возможность, ни разу от нее не отказывался. Ни весной 90-го года в Москве, ни два года назад здесь же, в Нью-Йорке.

— Значит, политикой вы интересуетесь и газетами не пренебрегаете? Следите за тем, что у нас происходит?

— И не только у нас, но и во всем мире. Газеты читаю на русском, если таковые попадаются, и на английском, журналы тоже. Беда в том, что основную часть времени провожу в разъездах, концертирую, и тут уж с российскими изданиями — как повезет.

— Раз вы голосовали, значит, сохранили российский паспорт, а это разрушает еще одну легенду — насчет вашего отъезда навсегда. Но все-таки последнее время ваше постоянное место пребывания — Нью-Йорк?

— Да, хотя, повторяю, большую часть времени я провожу в пути. Обосноваться в Нью-Йорке мне для обоюдного удобства предложила менеджерская фирма, с которой я подписал контракт, — «Интернэшнл менеджмент групп».

— А в России часто приходится бывать?

— К сожалению, нет. Приглашений много, но, с одной стороны, мои концерты расписаны на три года вперед, а с другой — есть еще одна причина, которая создает помеху. Я о ней уже говорил в российской прессе. Дело в том, что кому-то очень хотелось «забрать» меня на действительную службу, на мой московский адрес все время приходили повестки из военкомата. Началось все задолго до Чечни, так что суть не в моей боязни попасть в эту масорубку, а просто в том, что ни один профессиональный музыкант, связанный контрактами на несколько лет, не может себе позволить двухлетний перерыв. Да и кому от этого была бы польза?

— Позвольте, даже в сталинские времена понимали, что деятели искусства полезнее на своем месте, чем в окопах. Иначе Отечественную войну не пережили бы люди, прославившиеся потом российское искусство. Разве сейчас у нас нет аналогичного законодательного положен-

Труд-1996.-26 янв.-с.6

ЦВЕТЫ АРТИСТАМ ДАРЯТ ТОЛЬКО У НАС

Талант — всегда загадка, тайна. «Феномен Кисина» не только в том, что пианист прославился как вундеркинд — в конце концов вундеркинды являются на свет не так уж редко, но лишь единицам из них удается вырасти впоследствии в настоящих «звезд». Для этого нужен целый набор качеств: интеллект, воля, эмоциональная зрелость...

Кисин выдержал это испытание, шагнул в третье десятилетие своей жизни признанным артистом с обширным репертуаром, большим опытом концертной деятельности. Вот только отечественная публика лишена возможности следить за творческим развитием молодого маэстро. Отчего? На этот и ряд других вопросов Кисин отвечает нашему корреспонденту, который встретился с ним в Нью-Йорке.

временем состоятся. А пока — сольное турне по Америке: Балтимор, Филадельфия, Чикаго, Нью-Йорк, Форт-Лодердейл, Форт-Уорт. Потом два сольных концерта в Мексике. В Чикаго в начале февраля вместе с лучшим американским симфоническим оркестром под управлением Даниэля Баренбойма буду первый раз играть Первый концерт Брамса.

— Как говорится, из другой оперы. Как складывается ваш обычный день?

— День на день не приходится, но главное — рояль. Играю пять-шесть часов, на гастролях — часа три, больше не получается. Спортом как таковым не занимаюсь, но люблю быстро ходить. В кино почти не бываю, но телевизор, если есть время, смотрю — и политические передачи, и какие-нибудь шоу, чтобы отвлечься, посмеяться, хотя в основном это, прошу извинить, идиотское зрелище.

— Ваша семья — это...

— ...мама, папа и мой замечательный педагог Анна Павловна Кантор, которая ведет меня уже восемнадцать лет и живет вместе с нами.

— Американский образ жизни вам подходит? Полюбили небоскребы, гамбургеры, силовой футбол?

— Небоскребы мне нравятся, гамбургеры и прочее, скорее, нет. Но американизация мне не грозит, да и время-то я провожу главным образом в привычной окружающей среде. По вечерам люблю читать, у меня и в Москве есть библиотека, и здесь мало-помалу скапливается. Как и в музыке, не могу назвать одного-двух «самых любимых», чи-

таю и классику, и современное, и мемуары, историческую литературу. Только что прочел автобиографию Плисецкой, сейчас читаю на английском книгу Даниэля Бизара «О крови и надежде». Это известный международный адвокат, который отроческие годы провел в Освенциме и других концлагерях, книгу он мне сам подарил. Последнее из художественной литературы — «Вор в ночи» Кестлера. Очень люблю перечитывать стихи Пушкина.

— Наступил високосный год — вы его не боитесь?

— Не задумывался об этом. Вообще я вроде бы человек не суеверный.

— Представьте себе, что за вашим праздничным столом собрались все ваши бесчисленные российские поклонники. Понимаю, что нужно очень напрячь фантазию, чтобы вообразить стол таких размеров, но все же. Настал ваш черед произнести тост. Что бы вы им сказали?

— Я бы им пожелал исполнения всего того, что они сами себе желают. И если уж это мои почитатели, если уж напрягать фантазию, я бы пригласил их в комнату, где находится мой рояль, и играл бы для них, играл.

...А знаете, ведь цветы артистам дарят только у нас и в Японии. Ни в Англии, ни во Франции, ни даже в Италии такой традиции нет. А если здесь подходят с цветами к сцене, я знаю — это люди из России...

Беседу вел
Виссарион СИСНЁВ,
собр. корр. «Труда».

ВАШИНГТОН.

Фото Александра РАТНИКОВА.

ния?

— Мне о таком положении ничего не известно. Сейчас мне дали отсрочку до апреля 1996 года. Но в свое время я уже получал аналогичную отсрочку, а повестки продолжали приходить — якобы в военкомат не поступало подтверждение о том, что отсрочка дана. А выступать дома, конечно, хочется, и при всем напряженном графике какая-то возможность всегда отыскалась бы... Единственное, что я успел сделать для соотечественников, — записал семь пластинок с фирмой «Мелодия», которые, кстати, сейчас здешняя компания Арси-эй перезаписывает на компактные диски. Не знаю, доходят ли мои здешние записи до России...

— Вы только что вернулись из гастрольного турне по Европе. Какую программу возили и где выступали?

— Во второй половине октября у меня было три сольных концерта — Лиссабон, Бильбао и Мадрид. Впервые исполнял «Чакону» Баха и «Крейслериану» Шумана, кроме того — Бетховен и Лист. В ноябре — оркестровое турне по Франции, в каждом городе — с местным оркестром. Сначала Концерт Шумана, а в Париже и Орлеане — Первый концерт Чайковского.

— Как же это вы обошлись

без Шопена? Вы и музыка Шопена для меня да, видимо, и других любителей музыки неразделимы.

— Возможно, но на свете есть много прекрасных авторов.

— А все-таки кто из композиторов вам близок?

— Ну не знаю... Все, кого я называл...

— А Моцарт? Что-то он отсутствует в вашем репертуаре последнего времени.

— Действительно, я давно его не играл, но это потому, что интересы у меня не сводятся к одному или двум именам. «Мои» композиторы — это и Шуберт, и Брамс... И, между прочим, Моцарта я буду играть в январе в концертной поездке по Америке, сейчас учу ля мажорную сонату. А вообще в моем репертуаре — ре мажорное рондо для фортепиано с оркестром, четыре концерта — 12-й, 20-й, 24-й и 27-й...

— Когда я вас видел последний раз, вы были жестоко простужены, из-за этого пришлось прервать турне и отложить несколько концертов. Слава Богу, черная полоса кончилась. «Долг» американской публике собираетесь отдавать?

— Там, где концерты были отложены из-за моей болезни, они со-

P.S.

Президент России Борис Ельцин подписал вчера Указ «О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу отдельным представителям талантливой молодежи».